

Национально-культурный тренд в исследовании российского политико-правового пространства начала XXI в.: ментальное измерение модернизационных стратегий

УДК 316.3

Мордовцев Андрей Юрьевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, профессор кафедры теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российской государственного университета правосудия; E-mail: aum.07@mail.ru.

Мордовцева Татьяна Васильевна

Доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики; E-mail: aum.07@mail.ru.

Ким Александр Алексеевич

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; E-mail: kima@rambler.ru.

Статья получена: 17.03.2020. Рассмотрена: 14.04.2020. Одобрена: 19.05.2020. Опубликовано онлайн: 04.06.2020. © РИОР

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

Аннотация. Авторы статьи выделяют и обстоятельно рассматривают так называемые непозитивные компоненты национальной правовой действительности, отражающие сложную морфологию общественного и индивидуального правового сознания и включенные в структуру пра-

вового менталитета. Именно такой подход позволяет выделить видения и типизацию такого значимого элемента, как правовой менталитет. Учет этого элемента имеет огромное познавательное значение в рамках национально-культурного и даже интеллектуально-технологического тренда эволюции социально-правового и политико-институционального пространства.

Ключевые слова: правовое пространство, национально-культурный тренд, типология правового менталитета, правовой ритуал, правовые ценности, правовые символы, аттитуды,

**NATIONAL AND CULTURAL TREND
IN A RESEARCH OF THE RUSSIAN POLITICAL
AND LEGAL SPACE OF THE BEGINNING
OF THE 21ST CENTURY: MENTAL MEASUREMENT
OF MODERNIZATION STRATEGY**

Kim Alexander Alexeevich

PhD of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service; E-mail: kima@rambler.ru.

Mordovtsev Andrey Yuryevich

Doctor of Jurisprudence, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Professor of the Department of Theory and History of the Right and State, Rostov branch of the Russian State University of Justice, E-mail: aum.07@mail.ru.

Mordovtseva Tatyana Vasilyevna

Doctor of Cultural Science, Professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Taganrog Institute of Management and Economy, E-mail: aum.07@mail.ru.

Manuscript received: 17.03.2020. Revised: 14.04.2020. Accepted: 19.05.2020. Published online: 04.06.2020. © RIOR

This work was financially supported by the Russian Federation Presidential Grant No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

Abstract. Authors of the article allocate and in details consider the so-called “not positive” components of national legal reality reflecting difficult morphology of public and individual legal consciousness and included in structure of legal mentality. Such approach allows to allocate various approaches to identification and typification of such significant element of national legal and political space as legal mentality, which accounting, undoubtedly, has huge informative value within national and cultural and even intellectual and technological trend of evolution of domestic and social and legal, and political and institutional space.

Keywords: legal space, national and cultural trend, typology of legal mentality, legal ritual, legal values, legal symbols, attitudinal, religious world view, legal adaptation, provincial legal mentality, legal compatibility

религиозное мирозерцание, правовая адаптация, провинциальная правовая ментальность, правовая совместимость

Развитие, функционирование национального права и государства всегда проходит в насыщенной социокультурной среде, этот процесс не может быть сведен к какому-либо набору «закономерностей», «трендов», «универсалий», так как все эти категории — известные обобщения, а иногда и упрощение юридических и политических реалий, известный способ их «онаучивания» и т.п. Правовая и политическая материя — это всегда живые социальные сущности, понять природу и смысл которых нельзя исключив из этого познавательного акта человека и общество, всегда рассматриваемых в диалектическом единстве их самобытных (этнических, антропологических и др.) и универсальных характеристик, раскрывающихся и сохраняющихся в исторической динамике. Однако и при таком подходе могут возникнуть некие «штампованные», но часто весьма устойчивые характеристики — стереотипные позиции, далекие от подлинных оснований и вектора развития национальной правовой системы и институтов национального государства.

Так, с точки зрения многих современных отечественных правоведов (начавших «исповедовать» либеральную ценностно-методологическую модель рассуждений), правовой нигилизм как явление, которое якобы по природе своей «всцело принадлежит национальному правовому миру, в российском обществе обусловлен, прежде всего, низким уровнем развития правосознания и правовым бескультурьем, незнанием своих прав и свобод, отсутствием даже элементарных юридических умений и навыков и, как следствие, весьма ограниченными возможностями правовой самозащиты, а часто вообще равнодушием, непониманием сущности и значения правовой *автономии* личности, причем не только другой, но и собственной. Такого рода суждения в 90-х гг. XX в. начинают приниматься в качестве *аксиом*: они либо вообще не обсуждаются, либо рассматриваются исключительно в рамках западного (формализованного) понимания сущности права, законности и правового порядка, механизма обеспечения

прав и свобод человека и гражданина и т.п., когда, например, право как особая регулятивная форма культуры сводится к правам человека, а все иные формы (в частности, наиболее близкая к праву — мораль) просто выводятся в принципиально иное регулятивно-охранительное поле, как будто реальные поведенческие акты можно подчинить исключительно юридическому «форматированию».

В этой связи, собственно, научное исследование специфики национального правового поля, положительные или отрицательные оценки российской правовой культуры и конкретно правового менталитета предполагает скрупулезный концептуальный анализ отображающих сложную морфологию общественного и индивидуального сознания в правовой (политико-правовой) сфере *позитивных* (знаковых) и *непозитивных*, образных, символических и иных проявлений отечественного правового мира.

Только в таком эвристическом ракурсе можно исследовать актуальные аспекты *юридической футурологии*, зарождающейся в последние годы, причем важнейшим трендом которой будут решение проблем правового регулирования вопросов искусственного интеллекта и робототехники. Речь здесь идет о том, что формирование юридической парадигмы исследования последних будет происходить не в каком-либо социокультурном (правоментальном) вакууме, но в весьма насыщенной духовно-символической среде, которая, конечно же, не ограничивается исключительно нормативно-позитивными компонентами, но, по большому счету, на массовом уровне правового сознания предстает именно в качестве непозитивных, но в то же время юридических образований. Именно они и определяют момент и специфику «усвояемости» новых правовых институтов, которые неизбежно возникнут и будут играть большую регулятивно-охранительную роль в процессе охвата разными продуктами искусственного интеллекта российского общества.

Вопросов (связанных между собой) здесь несколько:

- 1) темп формирования адекватной ситуации (роботизации) механизма правового регу-

- лирования (МПР) многообразных связанных с природой и функциями искусственного интеллекта общественных отношений;
- 2) особенности соответствия содержания и направленности этого МПР социальным ожиданиям и интересам большинства российских граждан, что определит в конечном счете уровень востребованности этих «роботизированных» технологий;
  - 3) ясно, что наиважнейшей проблемой здесь станет правовое обеспечение гарантий безопасности человека и общества в эпоху искусственной «интеллектуализации» социального (национального) пространства.

Методология. Такого рода исследования, а именно ментальное измерение национальной правовой действительности, типологизация правового менталитета, определение его видов по различным основаниям предполагает весьма специфический набор методов исследования. Конечно, в первую очередь здесь следует выделить всеобщие методы научного исследования, возникающие в разных философских школах. К их числу следует отнести диалектический метод, имеющий далеко не только «материалистическое» звучание, но и иные «развороты». В частности, при изучении заявленной проблематики признание единства содержания и формы правовой ментальности играет большую роль. Рассмотрение правовой ментальности в противоречивом социально-историческом контексте, в постоянном эволюционном (хотя и медленном) движении также соответствует диалектической методологии. Кроме того, большое значение приобретает герменевтический способ познания национальной государственно-правовой действительности, предполагающий выявление и толкование скрытых социально-правовых и политических практик, структур общественного сознания, знаково-символических компонентов российского правового пространства. Метод генетической реконструкции позволяет раскрыть специфику формирования отечественной правовой ментальности вообще и ее различных типов и проявлений в частности. Огромную роль играет набор общенаучных логических методов, например метод деления объемов понятий, ставший основой для проведения разного рода

классификаций, конечно, в первую очередь типизаций правового менталитета.

Среди специальных методов следует выделить сравнительно-правовой метод, позволяющий выявлять существенные и иные отличия правового пространства в разных типах цивилизаций, этносов, народов. С помощью этого же метода возможно проведение сравнительного анализа тех или иных типов ментальности, обнаруживая содержательное отличие их структур.

Итак, остановимся именно на непозитивных, т.е. ценностно-символических феноменах, как наиболее сложных (в плане своего обнаружения и изучения) и слабо разработанных в отечественном правовом познании формах *правового мировосприятия*.

Прежде всего, обратимся к природе правовых установок личности. Вообще категория «установка» — это предмет исследования советских психологов (Д.Н. Узнадзе и др.) [20]. В.А. Ядов считал, что «установка <...> является психологическим механизмом регуляции как бессознательной, так и осознанной активности субъекта, она содержит механизмы и простейших, и сложных социальных форм поведения» [16, с. 21].

Собственно, в юридическом измерении к вопросам установки обращалась Е.А. Лукашева, считающая, что «правовая установка личности — это ее готовность действовать согласно тому или иному нормативу, образцу поведения; поэтому именно в личностной правовой установке концентрируются все компоненты социально-психологической регуляции, в зависимости от качественной характеристики которой она может носить либо позитивный, либо негативный характер, проявляющийся соответственно в правомерном или противоправном поведении личности» [12, с. 87]. Е.А. Лукашева представила общий план исследования правовой установки, но, разумеется, она не выделила никаких национальных (культурных, ментальных и т.п.) ее сторон, что, конечно, в полной мере соответствовало марксистско-ленинским методологическим, господствующим в этот период развития отечественного правоведения.

Примерно в таком же теоретико-методологическом ракурсе об отношении общества и личности к праву, закону, законности пишет и С.С. Алексеев. «Ведь законы издаются для

людей и людям адресованы, они применяются людьми и людьми исполняются. А всё это (и применение законов, и их исполнение) во многом зависит <...> от нашего — всего общества и каждого из нас — отношения к вопросам права и законности, усвоения нами юридических ценностей, готовности и стремления добиваться строжайшей законности, точности, безукоризненного исполнения юридических норм» [1, с. 155–156]. Здесь нет культурологического (этнического, цивилизационного) содержания, но риторика в полной мере еще советская — идеологически выдержанная, но национально «стерильная».

В целом позитивистско-нормативистский подход демонстрируют и В.И. Каминская и А.Р. Ратинов, считающие, что правовые установки и ориентации — значимые результаты работы массового правосознания [9]. Н.Л. Гранат определял правовую установку в качестве результата реализации ценностного отношения в социуме, но с участием воли, выполняющей роль «энергетического двигателя» [9]. Это, очевидно, некий отголосок марксистско-гегельянской *волевой* концепции права, определившей и советские подходы (А.Я. Вышинский и др.) к природе этого явления.

В свою очередь, Т.В. Синюкова отмечает, что правовая установка — это готовность, предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием ряда социальных и психофизиологических факторов [18, с. 559]. Таким образом, она формулирует уже новый подход, причем включает в понимание правовой установки даже «психофизиологические» моменты.

В общем, в современном дискурсе наиболее эвристически плодотворными подходами к проблемам правовой установки граждан, их правовому мировоззрению и правосознанию является метод «погружения» их в национальное ценностное либо (глубже) ментальное (архетипическое) пространство. Правда, в его отношении сначала необходимо разрешить проблему поиска условий, оснований, предпосылок его формирования и существования, а также сохранения.

Ясно, что формирование аксиологического поля имеет место в конкретном социуме, типе

цивилизации. В этом плане следует выделить несколько исходных начал:

- 1) никакие формационные перегородки, идеологические догмы, транслируемые властными элитами, не могут искоренить национальную ментальность, определяющую в конечном счете судьбу любых реформ или революционных качественных сдвигов в правовой, политической и социально-экономической сферах. Даже при кажущейся их якобы «принципиальной» новизне эти институты так или иначе встраиваются (продавливаются) в ментальное пространство, однако разрушить его не могут, поэтому они просто вынуждены «мимикрировать» в национальной среде, приспособляться к ее духовным (в том числе и религиозным) реалиям;
- 2) большую роль в оформлении и развитии ценностного пространства в правовом поле имеют такие базовые социальные институты, как семья, община, собственность и, разумеется, государство, которое может вести себя самым разным образом: заполнять собой максимум социального, национального пространства либо наоборот, оставлять индивиду его «приватное» пространство, не вторгаясь в него и даже охраняя «частоклолом» прав и свобод. Следует иметь в виду, что, по большому счету, «... даже платоновская республика, которая вошла в половицу как образец пустого идеала, по существу отражала не что иное, как природу греческой нравственности...» (Г.В.Ф. Гегель). Так что не только российское государство, но и любое иное влияет на ценностное пространство и отражает его на функциональном и институциональном (правовом, политическом) уровнях;
- 3) наиболее же ярким внешним индикатором ценностно-правового пространства любого социума, нации или этноса являются *юридические символы и ритуалы*, изученные (тем более применительно к России) весьма и весьма недостаточно [7; 8; 17]. «Юридический символизм отнюдь не связан только с игровыми и мифологическими интерпретациями права, его обусловленность более основательна, — это наружная оболочка тех внутренних явлений, которые “происходят

в духе отдельных людей”, и внешность, материальность есть необходимое условие для бытия права», — утверждал в отношении внешних символов права один из первых русских исследователей проблемы Петр Колмыков [7, с. 5]. Конечно, ритуалы и символы далеко не всегда относятся только к правовой культуре традиционных обществ. В антропологическом и историческом измерении важно изучать ритуальную культуру и модернизированные социумы. Особую роль играют *судебные ритуалы и символы* (отражают чаще всего процессуальную сторону этого вида юридической практики), отдельно следует подчеркнуть значение политических, семейных ритуалов, они прекрасно отражают специфику, вектор развития и в то же время устойчивость национальных семейных и политических ценностей, которые просто должны хотя бы в усеченном виде, но отражаться в Конституции и текущем законодательстве (собственно, конституционная реформа образца 2020 г. как раз и преследует такого рода цели).

Стоит заметить, что мировая история знает случаи, когда, например, быстрый, но как оказалось недолгий, кризис национального юридиксо-аксиологического пространства во Франции времен Великой французской буржуазной революции привел к тому, что источником права стала «совесть присяжных», т.е. авторитетный в западном мире судебный институт, символ судебной демократии превратился в образец произвола, звено массового террора (1793–1794), что, однако, продержалось мало времени и было в итоге вытеснено привычными для правовой и политической ментальности французов судебно-правовыми формами. Поэтому возникший в англосаксонской правовой семье институт присяжных, ставший традиционным для правовых государств, по природе своей рассчитан на конкретный правовой менталитет, юридическое мировоззрение личности, но не личности вообще, а представленной в национальном правовом пространстве, своего рода «привязанной» к нему. В противном случае он становится просто избыточным, отторгается национальным ценностным пространством.

В общем, далеко не всё, что имеет место и, возможно, неплохо функционирует в своем органичном для этого рода институтов и отношений ценностно-ритуальном поле, может прижиться в ином по своим базовым характеристикам социуме. Вот, собственно, что необходимо иметь в виду для формирования правового механизма в отношении роботизации и искусственного интеллекта в отечественном мире в ближайшем будущем, тем более что уже имеющие место контуры правового регулирования этих сложных процессов позволяют судить о возможном здесь использовании уже привычной за период 90-х гг. стратегии вестернизации, проводимой еще и методами «механического» заимствования оправдавших там себя форм, институтов, норм.

Применительно же к России дело обстоит еще сложнее. Дело в том, что правовая культура, ментальность, а следовательно, сама юридиксо-ценностная среда в отечественном государственно-правовом мире весьма и весьма неоднородна. Ясно, что по степени включенности народов, их религиозному, этнокультурному разнообразию наше государство нельзя сравнить ни с одной западноевропейской страной, в мировом же масштабе здесь, правда, можно хотя бы частично сравнить Россию с США, хотя коренным отличием будут разные модели ассимиляции этносов: «плавильный тигль» (США) и сохранение титульного народа — русские (Россия), что и должно быть подтверждено планируемыми в Конституцию РФ поправками в 2020 г.

В рамках такой национальной правовой политики, какая исторически сложилась в отечественном мире, вряд ли стоит говорить о едином и ментальном фоне, и общих, универсальных ценностных ориентациях. Категория «российский правовой менталитет» — это во многом некий усредненный показатель константных основ отечественной правовой культуры и правового сознания, идеализация праводуховного единства российского социума. Поэтому при разработке действенных стратегических основ любого, а тем более технологического, обновления здесь стоит учитывать специфику ментальных ориентаций и установок различных народов, включенных в российскую нацию, жителей столицы и про-

винции, а также и особенности, содержание профессионального менталитета различных групп.

В явно немногочисленной современной отечественной специальной литературе, в которой встречаются рассуждения относительно природы и видов правовой ментальности, можно обнаружить подходы более высокой степени обобщения. В частности, В.А. Бачинин и В.П. Сальников предлагают различать ментальность «западного» и «восточного» типов, и, видимо, впервые в нашей научной традиции явно формулируют их характерные признаки [2, с. 175–177].

Однако «для русского менталитета имеют огромное значение гигантские размеры страны. Благодаря громадным размерам государства, пространственной рассеянности населения, различных укладов, культур возникает своеобразная историческая инерция, небезразличная к историческим судьбам России. Эта инерция является, если хотите, роком для нашей страны. Скажем, во Франции влияние Парижа на протяжении всей истории, особенно в Новое время, было решающим — страна шла туда, куда шел Париж (кроме, пожалуй, периода Парижской коммуны 1871 г.)» [14, с. 32].

В частности, учитывая специфику настоящего исследования следует обратить внимание

на следующие виды (классификационные подходы) российской правовой ментальности:

- 1) правовой менталитет христианских народов и народов, исторически исповедующих иные религии (ислам, буддизм, иудаизм и др.);
- 2) правовой менталитет, собственно, российских этносов и менталитет диаспор;
- 3) столичный правовой менталитет и провинциальная правовая ментальность;
- 4) правовой менталитет малых народов России.

Ясно, что это далеко не исчерпывающий перечень видов российского правового менталитета, но уже и этот перечень убеждает в сложности создания некоего универсального механизма правового регулирования, причем когда речь идет о «вторжении» в социальную сферу систем искусственного интеллекта, разного рода (антропогенных и иных) роботов да еще и с явными тенденциями их юридической «субъективации», признанием их «лицами». В таком ракурсе вряд ли справедливо ожидать одинаковых ценностных, правовых, практических и других оценок от носителей столь разных видов российской правовой ментальности. В этом сложном, многоаспектном процессе просто неизбежны и юридические, и социально-духовные противоречия.

Литература

1. Алексеев С.С. Право и перестройка. — М., 1987. — 122 с.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. — СПб., 2000. — 382 с.
3. Бахтин М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М., 1965. — 545 с.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М., 1973. — 288 с.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М., 1990. — 343 с.
6. Иванников И.А. Общая теория государственной власти. — Волгоград, 1997. — 32 с.
7. Исаев И.А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. — 2002. — № 6. — С. 4–10.
8. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. — М., 2002. — 417 с.
9. Каминская В.И., Рагинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. — М., 1974.
10. Колмыков П. Символизм права вообще и русского в особенности. — СПб., 1839. — 341 с.
11. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб., 2003. — 428 с.
12. Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. — М., 1987. — 312 с.
13. Лукин П.В. Особенности русского общественного сознания в старообрядческих сочинениях XVII века // Мировосприятие и самосознание русского общества. — Вып. 4. Ментальность эпохи потрясений и преобразований. — М., 2003.
14. Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
15. Рулан Н. Юридическая антропология. — М., 1999. — 301 с.
16. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. — Л., 1979. — 333 с.
17. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. — М., 2010. — 663 с.
18. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — М., 1997. — 672 с.
19. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. — СПб., 1998. — 314 с.
20. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961. — 547 с.
21. Хофстед Г. Различия и опасность: особенности национальных культур и ограничения в толерантности // Высшее образование в Европе. — 1997. — № 2.
22. Bellenger A. La conscience du droit chez les japonais. *Rev. inter. Paris*. 1993, 218 p.
23. Garapon A. *L'Are portant des reliques*. P., 1985. 246 p.

References

1. Alekseyev S.S. *Law and perestroika*. Moscow, 1987. 122 p.
2. Bachinin V.A., Salnikov V.P. *Philosophy of law. Short dictionary*. St. Petersburg, 2000. 382 p.
3. Bakhtin M. *Francois Rabelais and folk culture of the middle Ages and Renaissance*. Moscow, 1965. 545 p.
4. Block M. *Apology of history or craft of the historian*. Moscow, 1973. 288 p.
5. Gurevich A.Ya. *The Medieval world: culture of the silent majority*. Moscow, 1990. 343 p.
6. Ivannikov I.A. *General theory of state power*. Volgodonsk, 1997. 32 p.
7. Isaev I.A. Symbolism of legal form (historical perspective). *Jurisprudence*. 2002, № 6, pp. 4–10.
8. Isaev I.A. *Politica hermetica: hidden aspects of power*. Moscow, 2002. 417 p.
9. Kaminskaya V.I., Ratinov A.R. Legal awareness as an element of legal culture. *Legal culture and issues of legal education*. Moscow, 1974.
10. Kolmykov P. *Symbolism of law in general and Russian in particular*. St. Petersburg, 1839. 341 p.
11. Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*. St. Petersburg, 2003. 428 p.
12. Lukasheva E.A. *Socialistic law and personality*. Moscow, 1987. 312 p.
13. Lukin P.V. Peculiarities of Russian social consciousness in old believer writings of the XVII century. *The perception and the consciousness of the Russian society*. Issue 4. Mentality of the epoch of shocks and transformations. Moscow, 2003.
14. Pantin I.K. National mentality and history of Russia. *Question of philosophy*. 1994, no. 1.
15. Rulan N. *Legal anthropology*. Moscow, 1999. 301 p.
16. *Self-regulation and forecasting of social behavior of the person*. Ed. by V.A. Yadov. Leningrad, 1979. 333 p.
17. Sinyukov V.N. *Russian legal system: introduction to General theory*. Moscow, 2010. 663 p.
18. *Theory of state and law*. Ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow, 1997. 672 p.
19. Uvarov M.S. *Architectonics of the confessional word*. St. Petersburg, 1998. 314 p.
20. Uznadze D.N. *Experimental foundations of psychology installation*. Tbilisi, 1961. 547 p.
21. Hofsted G. Differences and danger: features of national cultures and restrictions in tolerance. *Higher education in Europe*. 1997, no. 2.
22. Bellenger A. La conscience du droit chez les japonais. *Rev. inter. Paris*. 1993, 218 p.
23. Garapon A. *L'Are portant des reliques*. P., 1985. 246 p.